

Объяснительные и прогностические возможности институциональных экономических теорий¹

Кирдина С.Г.

д.с.н., Институт экономики РАН, г. Москва

В главе дискутируется вопрос о том, можно ли говорить об институциональной парадигме в современной экономической теории. Впервые рассматриваются особенности изучения институтов в рамках основных школ экономической мысли, а именно - неоклассической, австрийской и марксистской. Показано соотношение названных школ и основных общенаучных парадигм (антропоцентричной, эволюционной и системной) для исследований в области современной институциональной теории. Обосновывается утверждение о том, что объяснительные и прогностические возможности институциональной теории определяются особенностями изучения институтов в каждой из названных школ и основных общенаучных парадигм. Отдельно представлены возможности теории институциональных матриц, или X- и Y-теории, для объяснения социально-экономических процессов в России и других странах. Приведены конкретные примеры реализации прогнозов развития экономических и политических институтов в пост-перестроенной России, основанных на теории институциональных матриц.

1. Можно ли говорить об институциональной парадигме в экономической теории?

Известно, что ряд уважаемых авторов пишут о становлении самостоятельной институциональной парадигмы в экономической теории. Например, на это указывает в первой главе настоящей монографии Г. Б. Клейнер. Он выделяет неоклассическую, институциональную и эволюционную парадигмы, интеграция которых, по его мнению, привела к развитию системной парадигмы². О.И. Ананьин также отмечает наличие институциональной парадигмы. При анализе «поля» современной экономической теории он выделяет следующий набор методологических предпосылок, дополняющих друг друга, и соответственно им фиксирует следующие парадигмы: деятельностьную - рассмотрение экономики «как мира деятельности (поведения) хозяйствующих субъектов»; ресурсную - «экономика как кругооборот богатства», и институциональную - «экономика как совокупность экономических институтов»³ (Ананьин, 2005, с. 140).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 09-06-00052, и РГНФ, проект № 11-02-00088а.

² См. также другие его работы, например, Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004, с. 5-6.

³ Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005, с. 140.

Не споря с указанными авторами, попробуем представить несколько иной взгляд на эту проблему. Наша позиция состоит в том, что корпус современных институциональных теорий объединяет не столько общность методологии, то есть парадигмальность в принятом смысле этого слова⁴, сколько общность предмета исследования – а именно, анализ институтов. При этом, с одной стороны, сложилось некое консенсусное понятие института, разделяемое большинством исследователей. С другой стороны, подходы к изучению институтов, «образцы» их анализа существенно различаются у представителей разных школ экономической мысли и общенаучных парадигм. В конечном счете, именно эти отличия и определяют неодинаковые возможности разных институциональных теорий для объяснения и прогнозирования социально-экономической реальности.

Сначала рассмотрим содержание институтов, которое явно или неявно подразумевается большинством институционалистов, независимо от школ и научных направлений. Итак, что такое институты? Сперва обратимся к метафоре, ибо метафора как способ использования одних слов для обозначения сущности других зачастую выступает посредником между известным и неизвестным, она позволяет «навести внимание на путь адекватной вербализации»⁵. Метафорически институты в обществе аналогичны, видимо, силовым линиям электромагнитного поля, формирующим саму структуру этого поля. Как и магнитные силовые линии, институты непосредственно невидимы, хотя и существуют, и мы можем их фиксировать. Посредством магнитного поля осуществляется взаимодействие между движущимися заряженными частицами. Аналогично, при посредстве институтов осуществляется взаимодействие активных социально-экономических субъектов, институты упорядочивают эти взаимодействия. Как брошенные железные опилки распределяются вдоль силовых линий магнитного поля, создаваемого постоянным магнитом, так и люди – «вброшенные» в социальную жизнь, распределяются по «силовым институциональным линиям». Институт рынка (обмена), например, сопоставит друг другу продавцов и покупателей, действующих по определенным рыночным правилам. В свою очередь, институт редиистрибуции задает взаимодействие центра и зависящих от него участников редиистрибутивного экономического процесса, и т.д. В институтах фиксируются важные для стабильного развития соглашения, исторически

---

⁴ Парадигмы представляют собой методологию исследований в широком смысле этого слова. Они включают в себя, прежде всего, набор определенных исходных предпосылок, или постулатов, адекватных, по мнению приверженцев той или иной парадигмы, природе изучаемого объекта. Одновременно парадигму характеризует общность постановки проблем, принятых правил анализа, применяемого понятийного аппарата. В конечном счете научная парадигма предполагает опору на принятые образцы решения научных задач (Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 1975, с. 27-28).

⁵ Кузьмина М.А. Метафора как элемент методологии современного научного познания. //СОЦИС (Социологические исследования), № 2, 2006, с. 50. См. также: Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание. Баку. 1987, с. 139.

найденные социальными акторами в ходе противоречивых и порой конфликтных взаимодействий.

Свое выражение институты находят в действующих в обществе определенных **формальных и неформальных правилах**, которые одновременно и направляют, и ограничивают повторяющиеся, то есть относительно устойчивые взаимодействия людей. Именно так определяет институты Д. Норт, и его определение является наиболее цитируемым. По Д. Норту, институты являются целостной конструкцией, включающей в себя формальные (конституции, общее право, инструкции) и неформальные (соглашения, нормы и кодексы поведения) ограничения на человеческие действия, равно как и принуждения к их исполнению⁶. Как при попытке переместить железные опилки с силовых линий можно наблюдать их возвратное движение на линию, так и отклонение людей от действующих правил и норм, от сложившихся институтов приводит в действие механизм санкций, который вновь возвращает социальных субъектов к действию по обусловленным институтами правилам.

Заметим, что бытующее разделение институтов на так называемые «формальные» и «неформальные» представляется, на наш взгляд, неточным, хотя и весьма распространенным, о чем можно судить даже по материалам данной монографии. Мы полагаем, что при таком подходе имеются в виду лишь правила деятельности в формальной и неформальной сферах. Поэтому сам термин «институт» является в данном случае лишним, избыточным. Например, законы представляют собой законы, а не институты, точно также как традиции – это традиции, а не институты. Организации или фирмы также не являются институтами, если исследуются с точки зрения своего устройства. На наш взгляд, именно тогда необходимо употребить понятия «институт», когда речь действительно идет о новом исследуемом явлении, о таких сплавах формальных и неформальных ограничений, которые действуют с неизбежностью «силовых линий» и структурируют общество (и его подсистемы) как исторически воспроизводящую структуру человеческих взаимодействий. Институтам принадлежит системообразующая роль в общественной жизни, поскольку они поддерживают ее «каркас», формируют комплекс возможного и предсказуемого поведения, уменьшают неопределенность в обществе. Институты также развивают структуры существования социума - и экономики как его подсистемы - в изменяющейся внешней среде и при эндогенных изменениях в обществе – росте образования, изменении демографических параметров, уровня развития территории и др. В них находит свое выражение общественный консенсус по важнейшим

---

⁶ North, D.C. Five Propositions about Institutional Change. 1993. Econ WPA. Economic History, № 9309001. См. также: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997, с. 16. Аналогичное определение дают социологи: институты представляют собой "устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности" (Современная западная социология. Словарь. М.: Издательство политической литературы, 1990, с. 117).

жизненно необходимым условиям развития. Если нет институтов, то нет и социальных систем.

В социальных системах институты имеют **двойственную природу**. С одной стороны, институты создаются людьми, которые «сами делают свою историю», то есть институты являются артефактами, результатами человеческого поведения по «конструированию реальности»⁷. На эту субъектную сторону институтов исследователи, как правило, обращают основное внимание. Так, в определении институтов Д. Норт подчеркивает, что институты – это «разработанные людьми ограничения, структурирующие человеческие взаимодействия»⁸. Литература о конструировании институтов, описаниях того, как и кем они создавались или спонтанно возникали в результате человеческого поведения, весьма обширна, и не представляется возможным перечислить работы в экономике и социологии на эту тему.

С другой стороны, институты как «силовые линии» представляют собой ограничения, которые налагаются на взаимодействия людей. И хотя они выражают собой стихийно найденные в результате повторяющихся действий агентов эффективные социальные практики, закрепленные и легитимизированные, с этой точки зрения институты представляют собой, как пишет Ананьин, *трансубъектные и трансобъектные универсалии*⁹, существующие «вне» людей. Они проявляются в функционировании воспроизводящихся конкретных норм, принятых последовательностях действий, закономерностях поступков, формах отношений и др. В этой связи неправомерны, на наш взгляд, оценки «правильности» или «неправильности» институтов. Они существуют, поскольку рациональны и целесообразны по известным или неизвестным нам причинам. Еще Карл Маркс писал, что в общественном производстве, служащем поддержанию жизни, люди вступают в определенные *необходимые* (курсив мой – С.К.), не зависящие от их воли отношения, которые соответствуют определенной ступени развития материальных производительных сил. И хотя люди сами делают свою историю, «но они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые они не сами себе выбрали, а которые непосредственно имеютя налицо, даны им и перешли от прошлого»¹⁰. Институциональная структура является одним из таких внешних обстоятельств, в которых действуют социальные субъекты.

Как писал В. Квашницкий, опираясь на Ф. Хайека, «никакой человеческий ум не может постичь все знание, которое управляет действиями в обществе и, как следствие, необходим безличностный

---

⁷ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995 (1966).

⁸ North D.C. Epilogue: economic performance through time// Alston J. / Eggertsson T./ North D.C. (Eds): Empirical studies in institutional change. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 1996., p. 344.

⁹ Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005, с. 103.

¹⁰ Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Соч. Т. 13. 2-е изд. М: Госполитиздат, 1959, с. 119.

механизм, независимый от суждений конкретных людей, который координировал бы индивидуальные усилия»¹¹. Этот безличностный, но созданный людьми механизм воплощается в институтах. Другими словами, институты выступают одновременно и результатами, и условиями человеческой деятельности, и в этом отражается диалектика их содержания.

Мы представили некое общее понимание институтов, характерное для большинства исследователей. В то же время в экономической теории существуют различия в понимании того, что такое институты и какова их роль. При этом, как отмечает Н. Макашева, различия между институционалистами «носят принципиальный, методологический характер и в конечном счете сводятся к различному пониманию предмета и метода экономической науки»¹². Эти различия определяются, прежде всего, принадлежностью исследователей к той или иной школе экономической мысли.

2. Институты в неоклассической, австрийской и марксистской школах экономической мысли

Почему мы рассматриваем институты в рамках именно этих школ экономической мысли? Потому, что вслед за Дэвидом Янгом, мы согласны, что, несмотря на разнообразие альтернативных подходов и школ (региональных или национальных) в экономической теории, именно эти крупнейшие школы характеризуются специфичностью исходных философских и методологических предпосылок, определенными историческими корнями и принятыми оригинальными образцами исследовательских программ¹³. Мы полагаем возможным утверждать, что серьезно работающие в области экономической теории ученые явно или неявно принадлежат к одной из этих школ, поскольку исходят из допущений, принятых в названных школах экономической мысли, даже если и не отдают себе в этом отчета. Неоклассическая (neoclassical), австрийская (Austrian) и марксистская (Marxian) школы являются сегодня основными конкурирующими современными мета-теориями. Все другие исследовательские подходы, в том числе и институциональный, находятся под влиянием (или в рамках развития) той или иной из этих школ. Эти исследовательские подходы базируются на предпосылках, соответствующих либо ортодоксальному экономическому мейнстриму (неоклассическая школа), либо гетеродоксным направлениям – австрийской или марксистской

---

¹¹ Квашницкий В. Истоки эволюционной экономики (1996). В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006, с. 90. См. также: Hayek F. The Constitution of Liberty. L: Routledge, 1960, p. 4.

¹² Макашева Н. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х – 1990-е гг.): революция и рост научного знания. В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. С. 420.

¹³ Young D. The meaning and role of power in economic theories // In: Hodgson G. M. (Ed.), A modern reader in institutional and evolutionary economics: key concepts, Cheltenham: Edward Elgar, 2002, p. 49.

школе, и по-разному исследуют институты. Роль и значение институтов, характер их становления, основные функциональные задачи приверженцы различных научных направлений рассматривают по-разному. Их специфические взгляды на институты отражают фундаментальные различия между названными школами экономической мысли.

Остановимся кратко на этих различиях, и начнем с неоклассической школы.

В настоящее время **неоклассическая школа**, или ортодоксальная экономика - это мейнстрим экономической теории, она массово представлена в учебниках, ее представители чаще других получают нобелевские премии. Особенности неоклассической школы заключаются в ее исходных предпосылках. К ним, как известно, относятся принцип методологического институционализма (что роднит ортодоксальных маржиналистов с австрийской маржиналистской школой), а также отличная от последней концепция *homo economicus* – рационального, максимизирующего свою полезность субъекта, действующего в конкурентной среде, что приводит к формированию рыночного равновесия.

С точки зрения представителей неоклассики, *институты формируются в результате стремления рыночных агентов уменьшить транзакционные издержки* в сфере обмена. Институциональные исследования в рамках неоклассической школы экономической мысли получили наименование *неоинституционализм*. Как пишет А.Г. Худокормов, «и по своей методологии, и по теоретическому содержанию, и по общему социальному смыслу выводов неоинституционализм продолжает - в преобразованном, модифицированном виде - линию либеральной экономической теории, уходя корнями в традиции неоклассики»¹⁴. Аналогичное замечание делает известный ученый, историк экономической мысли М. Блауг: «Школа институциональной теории представляет собой не более чем легкую склонность к отступлению от ортодоксальной экономической науки»¹⁵. Российский знаток неоинституциональной теории А. Нестеренко также отмечал, что, хотя неоинституционалисты стремились выйти за пределы базовых постулатов неоклассической школы, они, по сути, остались в ее рамках¹⁶.

Для представителей неоклассического направления единицей институционального анализа является транзакция¹⁷. Институты изменяются с целью улучшения условий получения полезности и уменьшения неопределенности. В рамках неоинституционализма разработаны теория

¹⁴ Худокормов А.Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: Учеб. пособие. — М: ИНФРА-М, 2009, с. 194.

¹⁵ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994, с. 958.

¹⁶ Нестеренко А. Н. Институционально-эволюционная теория: современное состояние и основные научные проблемы. // // Эволюционная экономика на пороге XXI века. Доклады и выступления участников международного симпозиума (г. Пущино, 23-25 сентября 1996). М. Изд-во «Япония сегодня». 1997, с.11.

¹⁷ Подробнее об этом см. Ерзякян Б. А. Транзакционная модель бытия «человека институционального» // Homo institutus / Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова, Волгоград: Изд-во ВГУ, 2005, с. 128.

контрактов, агентская теория, трансакционная теория, теория общественного выбора, теория прав собственности. Основное внимание неoinституционалисты уделяют договорным процессам, доверию, сопоставлению индивидуальных (групповых) издержек и выгод. Причинами институциональных изменений (по Д. Норту, одному из ярких представителей неoinституционализма) являются изменение соотношения цен или изменения в идеологии, при которых меняются общественные моральные нормы, что требует соответствующего изменения институтов.

Следующей по списку, но не по значению, является **австрийская школа**. Особенностью австрийской школы¹⁸, как известно, является важнейшее методологическое положение о том, что все социальные и рыночные явления следует объяснять под углом зрения конкретной деятельности людей, поскольку лишь человек способен думать, оценивать, выбирать и действовать. Как писал один из основателей и крупнейших представителей австрийской школы К. Менгер, «человек со своими потребностями и своей властью над средствами удовлетворения последних составляет исходный и конечный путь всяческого человеческого хозяйства»¹⁹. Последовательный монистический субъективизм (только отношение того или иного субъекта к благу определяет его ценность) является важнейшей особенностью австрийской школы. При этом субъект может ошибаться (он не рационален), и эти ошибки также будут играть свою роль в формировании ценности благ. Методологический индивидуализм²⁰, при котором исходным пунктом рассмотрения всех проблем является микроуровень - уровень индивида, а целое (общество) не признается чем-то отличным от суммы своих частей, также является особенностью австрийской школы²¹, как и неоклассической школы в экономической теории.

Для «австрийцев» особую роль имеет фактор времени и фактор неопределенности, они признают изменчивость поведения субъектов во времени и динамику ценностных установок, что не позволяет установиться общему равновесию, как это признается в неоклассической теории.

С точки зрения австрийской школы институты являются результатом деятельности человека, но не воплощением его замыслов. Всякий выбор и действие совершаются индивидами в условиях несовершенных знаний и неопределенности. Поэтому результаты всегда содержат элементы, которые не были запланированы или предсказаны самими действующими лицами. Возникновение института денег стало

---

¹⁸ К австрийской школе относят несколько поколений ученых, включая К. Менгера, Е. Бём-Баверка, Ф. фон Визера, Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека, Б. Андерсона, М. Ротбарда, О. Моргенштерна, иногда Й. Шумпетера, и др.

¹⁹ Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер: Пер. с нем. / Предисл., коммент., сост. В.С. Автономова. М: Экономика, 1992, с. 89.

²⁰ Методологический индивидуализм означает принцип, «согласно которому все социальные феномены – их структура и их изменение – в принципе могут быть объяснены при помощи одних только индивидов: их свойств, их целей, их воззрений и их действий» (Gintis H. Review on Analytical Marxism by John Roemer // The American Political Science Review, Vol. 81, No. 3, Sep., 1987, p. 5).

²¹ Там же. Предисловие.

наиболее ярким свидетельством незапланированного итога взаимоотношения людей на рынке, что описано в известной работе К. Менгера²². Изложенная в ней теория денег К. Менгера показывает спонтанное появление в обмене товара с наибольшей способностью к обмену, который и начинает играть роль денег.

Наконец, перейдем к особенностям изучения институтов в **марксистской школе** экономической мысли, которая занимает сегодня маргинальное положение в экономической теории. С одной стороны, имеет смысл обозначить вклад основателя марксистского направления - К. Маркса, в исследование институтов. С другой стороны, важно понять особенности подхода к анализу институтов у современных представителей марксистского направления.

Начнем с взглядов самого К. Маркса. В отличие от экономистов других школ, он отмечает важнейшую роль материальной среды в формировании институтов. Структура институтов (К. Маркс рассматривал такие сферы действия институтов, как экономика, политика и идеология) *материально обусловлена* уровнем развития производительных сил.

Другой особенностью марксова подхода, вытекающей из первой черты, является признание того, что разный характер и уровень развития производительных сил обуславливает различие институтов. Маркс заложил основания институционального анализа *«множественности» экономик* в соразмерных им понятиях (капиталистическую он рассматривал лишь как одну из них). Различие экономик определяется, прежде всего, отличиями в системе собственности. Для К. Маркса *отношения собственности – важнейший институт*, определяющий специфику всей институциональной структуры. Наконец, учет историчности институтов – впервые об этом Маркс писал в своем анализе экономического развития Западной Европы в XV-XIX вв. – также является особенностью марксистского анализа институтов. В дальнейшем эти идеи были подхвачены и другими школами, но в них причины становления и изменения институтов отличаются от того, как это рассматривается в марксистской традиции.

При анализе институциональных изменений Маркс развивал идею *революционных* переходов. Он обосновывал следующую логику – изменение в материальных характеристиках производительных сил изменяет положение основных социальных классов, что провоцирует развитие классовой борьбы и в результате – революционную смену способов производства, включающего кардинальную перестройку институтов и в экономическом базисе, и в политической надстройке, и в господствующей идеологии.

Очевидной заслугой Маркса является также анализ *институтов как результатов социальной (коллективной) деятельности* в ходе долговременного итерационного процесса. При этом марксова диалектика показала взаимозависимость общественного сознания, социальной практики

---

²² Menger C. On the Origin of Money // Economic J. 1892. № 6.

и условий, в которых живут люди²³. Таким образом, в результатах социальной деятельности – а институты являются одним из таких результатов, – находит свое отражение и сознательный человеческий, и материальный «средовой» факторы.

Насколько методология Маркса развивается современными институционалистами марксистской школы экономической мысли? Здесь трудно говорить о единстве, поскольку экономическая теория К. Маркса огромна и внутренне неоднородна²⁴. Общими предпосылками, все-таки объединяющими марксистов и разъединяющими их с представителями других школ, являются, на наш взгляд, следующие. Во-первых, исторический материализм, то есть признание материальной обусловленности экономического развития, в том числе и становления институтов. Во-вторых, общей чертой является критический характер в отношении институтов современной рыночной экономики («капиталистической экономики», если следовать терминологии К. Маркса). Поэтому марксисты подчеркивают исторически преходящий характер присущих ей институтов, их «не-единственность», в отличие от представителей неоклассической и австрийской школ, для которых отношения обмена (рыночной экономики) имеют универсальный и исторически «вечный» характер. Из-за критичности в отношении современного общества ученых-институционалистов марксистского направления называют «радикальными институционалистами»²⁵. В-третьих, изучение характера собственности и связанных с этим особенностей социальной структуры продолжают составлять фокус институциональных исследователей современных марксистов, как это было характерно и для К. Маркса.

В 2006 г. ученые марксистского направления разных стран создали Международную инициативу по развитию политической экономии (International Initiative for Promoting Political Economy, сайт www.iippe.org) с целью усилить позиции марксистской политической экономии. В ее составе действует группа по изучению институтов (Political Economy of Institutions Working Group), сотрудничающая как с организациями, развивающими «старый институционализм» (European Association for Evolutionary Political Economy, Association for Evolutionary Economics, Association for Institutional Thought), так и со структурами, объединяющими «новых институционалистов» (International Society for New Institutional Economics).

---

²³ Тесля А.А., Тесля Е.А. Интеллектуальное значение марксизма. //Хронос, 2007. <http://www.hrono.info/statii/2007/marx.html>

²⁴ О разнородности марксизма можно судить по таким фактам: например, одни марксисты выделяют в экономической теории К. Маркса трудовую теорию стоимости и развивают ее (например, П. Сраффа), другие пытались объединить марксизм с теорией предельной полезности (например, австромарксисты К. Реннер, О. Бауэр, О. Нойрат и др.). В СССР марксизм, представленный политической экономией социализма, стал частью официальной коммунистической идеологии, поддерживающей незыблемость социалистического строя. В то же время в странах Латинской Америки марксизм служил идеологической основой социальных революций, и т.д.

²⁵ К их числу принадлежит, например, австралийский ученый Ф. А. О'Хара (Phillip Antony O'Hara), автор книги «Marx, Veblen and Contemporary Institutional Political Economy: Principles and Unstable Dynamics of Capitalism», Chetenham, U.K and Northampton, Mass.: Edward Elgar, 2000.

В последние годы в рамках марксистской школы стали развиваться исследования институтов в странах с переходными экономиками и иными историческими и культурными особенностями. Перемещение фокуса анализа со стран «традиционного капитализма» в эти страны связано с тем, что происходящие здесь процессы плохо описываются в терминах «американского институционализма» - так марксистские институционалисты именуют неоинституционализм²⁶.

Следует отметить, что финансово-экономический кризис 2008 г. усилил разочарование ряда экономистов и политиков по поводу идей свободного рынка и возможностей неоклассической теории. На этом фоне усиливается внимание к идеям Маркса. Присущая марксову подходу критика капиталистической системы и указание на присущую ей нестабильность приобретают в связи с поразившим мир кризисом особую актуальность. Анализ частоты ссылок на Маркса при обсуждении финансового кризиса в печатных СМИ показывает, что только за год кризиса их общее количество возросло более чем в два раза по сравнению с предшествующими кризису 25 годами! Об этом говорят данные таблицы 1, приведенные в работе А. Олейника²⁷.

Таблица 1. Частота совместной встречаемости ссылок на Маркса и словосочетания «финансовый кризис» в мировой и американской англоязычной прессе (в одном и том же параграфе текста)

Период	Ключевые слова
	Маркс/маркс...*
8.10.2007 – 8.10.2008	61/88
С начала 1980-х гг. до 8.10.2007	24/74

Источник: Lexis Nexis Academic

*учтены слова, в которых после «маркс-» следуют иные буквы или комбинации букв, например, слова марксистский, марксизм и др.

Видимо, следует ожидать роста популярности марксистской экономической школы, долгие годы находившейся на периферии экономической теоретической мысли.

Специфика основных научных школ, как мы пытались показать, накладывает отпечаток на характер институциональных исследований.

²⁶http://www.iippe.org/wiki/Political_Economy_of_Institutions_Working_Group. Сегодняшнее «противостояние» Маркса и экономических концепций из США резко контрастирует с ситуацией 1851-1862 гг., когда Маркс вел регулярную колонку в газете «New York Daily Tribune», печатном органе Республиканской партии Линкольна, и обменивался с ним вежливыми письмами (об этом: Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. Пер. с англ.. М.: Изд. Дом Гос. ун-та- Высшей школы экономики, 2011, с. 39-40.

²⁷ Олейник А. Н. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых годов». М: РОССПЭН, 2011, с. 340.

Представители неоклассической, австрийской и марксистской школ экономической мысли по-разному акцентируют причины становления институтов, сферы их действия и факторы изменения.

3. Институты с точки зрения антропоцентричной, эволюционной и системной (самоорганизационной) парадигм

Другой важной причиной, определяющей различие подходов к анализу институтов в экономической теории, является тот факт, что ученые следуют определенным парадигмам при проведении своих исследований. А специфика парадигм отличается от специфики научных школ. На наш взгляд, *парадигма имеет более широкое значение, выходящее за рамки собственно экономической теории*²⁸, к которой мы относим названные выше школы.

Действительно, принадлежность к той или иной научной школе в экономической теории отражает, прежде всего, набор квалификационных профессиональных знаний экономиста-теоретика, его (ее) понятийно-терминологическую систему, связанную с определенным ракурсом исследования экономических явлений, характер научных связей и соотнесенность с определенным кругом специальной научной литературы.

В отличие от этого, парадигма характеризует, как правило, не определенную специальную дисциплину (например, экономику), но науку в целом или к большие группы наук (например, естественные науки). Закрепленное Т.С. Куном²⁹ в методологии науки понятие парадигмы (или дисциплинарной матрицы, как Кун переопределил ее в дальнейшем) предполагает некое принципиальное видение мира и общие мировоззренческие, философские ценности, характер принятых символических обобщений, схожие концептуальные схемы и образцы решения задач. Принадлежность к той или иной парадигме характеризует экономиста-теоретика не как специалиста или профессионала в своей узкой предметной области, но как ученого в широком смысле этого слова, показывает специфику его (ее) научного видения вне зависимости от той или иной конкретной школы экономической мысли, которую он(а) развивает.

Такое понимание парадигмы обращает наше внимание на тот факт, что можно принадлежать к одной школе экономической мысли, но придерживаться при этом разных парадигм, и наоборот. Это показывает таблица 2, которую мы предлагаем читателю. При этом оговоримся, что, во-первых, нашей задачей не было перечислить всех, а назвать лишь наиболее характерные фигуры. Кроме того, в таблицу также включены некоторые авторы, представленные в настоящей монографии, хотя и не все они ведут «чисто институциональные» исследования. Во-вторых, мы допускаем, что не

---

²⁸ В этом наше понимание отличается от взглядов, например, Ананьина О.И., Клейнера Г.Б., Я. Корнаи и многих других, которые говорят о наличии парадигм в собственно экономической теории.

²⁹ Кун Т.С. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

все включенные в классификацию исследователи или методологи науки согласятся с нашей оценкой по поводу конкретных ученых-институционалистов. Тем интереснее будут возможные дискуссии по этому поводу.

Таблица 2. Классификация некоторых исследователей в разрезе основных школ экономической мысли и научных парадигм

Школы экономической мысли	Основные парадигмы		
	Антропоцентричная	Эволюционная	Системная (самоорганизационная?)
Неоклассическая	Д. Норт, О. Уильямсон, В. Тамбовцев, (<i>Б. Ерзнкян</i>)	А. Алчиан, Р. Нельсон, С. Уинтер, К. Ланглуа	?
Австрийская	К. Менгер	ранний Й. Шумпетер	поздний Шумпетер, Л. фон Мизес, фон Хайек Й. Ф.
Марксистская	Э.О. Райт, Дж. Коэн, Дж. Элстер, Дж. Ремер	Т. Веблен К. Перес, К. Фримэн ³⁰ , (<i>В. Маевский</i>)	(<i>Г. Клейнер, С. Кирдина</i>)

*в скобках курсивом обозначены некоторые из авторов, представивших свои работы в данной книге.

Выделенные антропоцентричная, эволюционная и системная парадигма не разделены между собой жесткими «непроходимыми» барьерами. Поскольку они развивались последовательно, то иногда можно говорить о вложенности предыдущих парадигмы в последующую, более широкую. Тем не менее, они имеют свои отличительные особенности, влияющие на характер институциональных теорий, и мы их сейчас обсудим.

Хронологически возникающая ранее других, **антропоцентричная парадигма** отражает взгляд на экономику как «науку об индивидуальном человеческом поведении». Концепции в духе антропоцентризма характерны не только для общественных, но и естественных наук³¹. В социальных науках антропоцентрическая парадигма находит свое выражение в том, что самостоятельность индивида как субъекта свободного выбора и ответственного поступка является центральной предпосылкой развиваемых

³⁰ Иногда указывают К. Фриман (англ. Christopher Freeman).

³¹ Например, антропный принцип является одним из фундаментальных принципов современной космологии (Новая философская энциклопедия. Том 1.. М.: Мысль, с. 131).

на ее базе концепций. Приоритеты личности перед интересами любых сообществ и неотчуждаемость ее естественных прав также формируют ядро методологических допущений антропоцентричной парадигмы³². Основными ценностями признаются либеральные ценности и ценности индивидуума, а важнейшей методологической установкой – уже описанный выше «принцип методологического индивидуализма». Общество, структурированное институтами как правилами человеческого взаимодействия, понимается как совокупность множества индивидуумов. Важнейшим институтом общества является институт человеческого обмена. Институты создаются людьми и выступают как результат их преднамеренного или непреднамеренного (спонтанного) поведения.

В рамках антропоцентричной парадигмы работали (работают) такие представители неоклассической школы как Д. Норт, О. Уильямсон и многие другие, в России к ним можно отнести В. Тамбовцева, одного из авторов настоящей монографии Б.А. Ерзнкяна и др.

Среди представителей австрийской школы к данной парадигме можно отнести К. Менгера. Иногда К. Менгера считают одним из первых эволюционистов среди экономистов за его «эволюционную теорию денег». Но мы «оставляем» его в рамках антропоцентричной парадигмы, поскольку Менгер во всех своих исследованиях исходил из субъективизма в крайней его форме, акцентировал необходимость строго индивидуалистического, или, как он сам говорил, «атомарного метода анализа»³³, предполагающего выстраивание структуры социального целого из его частей. Особенно это очевидно при его психологическом истолковании возникновения социальных институтов, что серьезно отличается от позиции эволюционистов.

Что касается представительства марксистской школы в антропоцентричной парадигме, то, казалось, здесь должно быть «пустое множество», поскольку методологически антропоцентризму противостоит так называемый социоцентризм, который был характерен для К. Маркса и его последователей. Это отчетливо видно в марксовой концепции формационного развития общества как естественно-исторического процесса, в рамках которого человек представляет собой «личный элемент производительных сил»³⁴. Тем не менее, известен так называемый «аналитический марксизм». Его представители (Э.О. Райт, Дж. Коэн, Дж. Элстер, Дж. Ремер и др.), отрицая методологический холизм и диалектику К. Маркса, стремились сохранить некоторые марксовы категории и одновременно использовать методологию неоклассики (математические методы, теорию игр). Также для них характерен акцент на интенциональных действиях индивидов, что описывается понятием «марксизм рационального

---

³² См. Антропоцентризм. / Новая философская энциклопедия. Том 1. М.: Мысль, с. 142.

³³ Хайек Ф. Судьбы либерализма. М.: Мысль, 2005. Глава два. Карл Менгер (1840-1921).

³⁴ Там же.

выбора». Правда, активное время работ этой школы было относительно недолгим (1980-1990-е гг.)³⁵

Оформившаяся как система взглядов, позже, следующая, **эволюционная парадигма** рассматривает процесс экономического развития как неравновесный процесс, в котором действуют не отдельные индивиды, а популяции экономических агентов и законы эволюции: наследственности, изменчивости (мутации) и естественного отбора. Это, в свою очередь, предполагает необходимое разнообразие агентов и конкуренцию за ресурсы (или «завистливое сравнение» по Т. Веблену). Следствием закона естественного отбора является приспособление к внешней среде, выживание сильнейшего и передача в популяции свойств, способствующих выживанию, хотя и имеют место мутации. Концепции изучения институтов с позиций эволюционной парадигмы объединяют в направление, называемое институционально-эволюционной теорией.

Институты понимаются эволюционистами (прежде всего, относящимися к неоклассической школе экономической мысли) как «рутины», то есть постоянно повторяющиеся, заданные (извне или на уровне инстинктов) неоспариваемые шаблоны поведения. Через «рутины» транслируется наследственное социально-необходимое знание. Институты, являющиеся эффективными, выживают и развиваются, а неэффективные институты постепенно отмирают, и потом возникают новые «рутины» человеческого поведения. Самоподдерживающие механизмы создают зависимость от прошлого пути развития, делая невозможным возвращение на ранние этапы принятия решений и их изменение. Институты постепенно меняются («эволюционируют», как пишут представители данного направления) на основе кумулятивного эффекта³⁶ (развития «наследственной» программы и «слепого» метода проб и ошибок), то есть опираются на предшествующий опыт.

Другим фактором изменения институтов (поведенческих «рутин») может быть влияние среды в виде импульсов извне, например, в связи с возникновением новой рыночной ниши или получением нового конкурентного знания, позволяющего производить принципиально новые продукты или услуги и осуществить «скачок» в экономической эволюции.

В неоклассической школе исследования в области эволюционной парадигмы объединены в направлении «эволюционная экономика»³⁷. Хотя по ряду позиций эволюционные экономисты противопоставляют себя

---

³⁵ См. Райт Э.О. Что такое аналитический марксизм, // Вопросы экономики, 2007, № 9; Хаиткулов Р.Г. Феномен аналитического марксизма/ Сборник докладов ,участников Российского экономического конгресса. М: ИЭ РАН, 2009.

³⁶ Т. Веблен называл его эффектом кумулятивной причинности: «Экономическая история жизни индивидов – это кумулятивный процесс адаптации средств к целям, изменяющимся по мере развития процесса, когда и агент, и окружающая его среда являются результатами предшествующего процесса» (Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной (1898). В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006, с. 26).

³⁷ Сопин В.С. Эволюционная теория в экономической науке: проблемы и перспективы. // Проблемы современной экономики, № 3 (31).2009.

неоклассическому мейнстриму³⁸, они явно или неявно продолжают следовать важнейшим исходным предпосылкам неоклассики. К таким предпосылкам относятся представления о рациональных индивидах (экономических агентах), ориентированных на максимизацию полезности и действующих в конкурентном рыночном пространстве.

Фактически можно говорить о том, что представители эволюционной экономики дополняют неоклассику исследованиями фактора неопределенности, что связано с неполнотой информации. Также они рассматривают адаптацию как один из видов максимизирующего поведения экономического агента (например, в условиях доминирующего дизайна, по Нельсону и Уинтеру³⁹) и вводят при этом дополнительные правила рационального выбора, включая рутины (институты) и др. Эти уточнения, как известно, уже включены в корпус неоклассики⁴⁰. Среди институционалистов к данному направлению можно отнести А. Алчиана, Р.Нельсона, С. Уинтера, К. Ланглуа и др.

Среди представителей австрийской школы к эволюционному направлению можно отнести раннего Й. Шумпетера с его теорией «эффективной конкуренции». При этом отметим, что некоторые авторы австрийскую школу целиком считают эволюционной - от Менгера до Хайека, - потому что теория денег Менгера, на их взгляд, носит эволюционный характер, а Хайек использовал слово «эволюционный»⁴¹. Но мы полагаем, что между ними все-таки есть отличия, и показываем это в приведенной выше таблице.

Один из основоположников институционализма Т. Веблен, пожалуй, впервые применивший категории эволюционной теории к экономике⁴², ближе других стоит к марксистской школе экономической мысли. Известно, что Т. Веблен весьма уважительно относился к Марксу, хотя и не во всем был с ним согласен, прежде всего, в вопросе трудовой теории стоимости. Но, как и Маркс, Веблен придавал важное значение технологическому фактору в становлении институтов, рассматривал развитие институтов как естественно-

---

³⁸ Так, представители эволюционной экономики не приемлют идеи равновесия, выделяют различные стратегии поведения агентов (отмечают неоднородность агентов), уделяют большее внимание случайным стохастическим факторам и процессам развития. Но, как отмечают исследователи науки, это «не означает невозможности интеграции некоторых идей эволюционной теории в неоклассическую парадигму» (История экономических учений. / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М. 2001, гл. 36).

³⁹ Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционный подход в экономической науке (2002). В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006, с. 74-75.

⁴⁰ Подробнее о неинституционализме как логическом развитии и дополнении неоклассики см. Кирдина С.Г. "Логика развития экономических парадигм: последовательное "освещение скрытого" // Свет и цвет в экономике. Под ред. О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2007; Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) / Постсоветский институционализм. Под ред проф. Р.М. Нуреева и В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. с. 75-101; Кирдина С.Г. Современные теоретические модели экономики / Экономическая психология: методология, тенденции, решения / Под ред. Н.И. Гвоздевой, А.Н. Неверова. Саратов: ИЦ "Наука", 2010. С. 6 – 24, и др.

⁴¹ См., например, Квашницкий В. Истоки эволюционной экономики (1996). В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006, с. 95.

⁴² Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной (1898). В: Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.

исторический процесс (частью которого являются революции). Общим для Веблена и Маркса является также признание определяющей роли не индивидуальных (как в неоклассической или австрийской школах), а групповых (коллективных и классовых) характеристик при анализе социально-экономических явлений.

Один из авторов настоящей монографии В.И. Маевский, который в своих работах⁴³ развивает воспроизводственный подход К. Маркса и идеи Й. Шумпетера, и известные исследователи долговременных циклов экономического развития К. Фримэн и К. Перес также отнесены нами к представителям марксистской школы экономической мысли, работающими в эволюционной парадигме.

Наконец, перейдем к **системной парадигме**. Если эволюционная парадигма сформировалась еще к началу XX века, то системная парадигма развивается и становится распространенной относительно недавно - во второй половине XX века. Что же касается синергетического направления (самоорганизации), характеризующего развитие системной парадигмы в отношении динамических процессов, то оно складывается на наших глазах⁴⁴. Рассмотрим наиболее общие черты системной парадигмы, проявляющиеся в экономических исследованиях. Они изложены в известной работе Я. Корнай⁴⁵:

- 1) Общественная система рассматривается в целом, объектом изучения являются взаимосвязи между этим целым и его частями;
- 2) Исследования имеют комплексный характер и не сводятся к какой-либо частной дисциплине (экономике, социологии, политологии). Особое внимание уделяется взаимодействию различных сфер функционирования общества;
- 3) Внимание исследователей сосредоточено на институтах, которые определяют рамки и ход конкретных процессов. Институты понимаются достаточно широко, как структуры, возникшие исторически и развивающиеся эволюционным путем⁴⁶;
- 4) Существует тесная увязка в понимании существующей организации общества и исторического процесса, в ходе которого она возникла;
- 5) Особое внимание уделяется большим изменениям и глубоким трансформациям, а не мелким постоянным переменам;
- 6) Отмечается, что дисфункции, присущие системам, имеют внутренний характер, они встроены в них, их можно лишь смягчить,

---

⁴³ См., например, Маевский В. Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. 2010. № 3; Маевский В.И., Малков С.Ю. Переключающийся режим воспроизводства. Научный доклад. М.: Институт экономики, 2011 и др.

⁴⁴ Подробнее об этом см. Малков С.Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс. Возможности математического моделирования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

⁴⁵ Корнай Я. Системная парадигма. // Вопросы экономики, 2002, № 4.

⁴⁶ Корнай специально отмечает сходство по этой линии между системной парадигмой и неинституциональной теорией, указывая одновременно, что в других аспектах они весьма различны (Корнай, 2002, с. 10).

но не устранить, поскольку их способность к самовоспроизводству глубоко укоренена в самой системе;

7) Сравнение выступает наиболее типичным методом в системной парадигме. Оно осуществляется в основном на качественном уровне.

Корнаи представил список исследователей, реализующих, по его мнению, системную парадигму в экономических исследованиях. Среди них К. Маркс, который является основателем марксистской школы в экономической мысли, представители австрийской (неоавстрийской) школы Й. А. Шумпетер, Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек, а также В. Ойкен и К. Поланьи. Из современников к этому направлению Я. Корнаи отнес и себя.

Большинство работающих в данной парадигме авторов имеют, как правило, работы, выходящие за рамки собственно экономической теории, и анализируют взаимосвязь экономических отношений и изменений общественной жизни в целом (например, «Капитализм, социализм и демократия» Й. Шумпетера, «Великая трансформация» К. Поланьи и т.д.).

Глядя на таблицу, можно видеть, что пересечение неоклассической школы и системной парадигмы (верхнее правое поле) пока пусто. Действительно, неочевидно, что достаточно узкий набор исходных постулатов неоклассики может быть реализован в рамках системной парадигмы. Но исследования продолжаются, и, возможно, позже будут найдены имена ученых, работающих и в этом направлении.

Становление системной парадигмы отражает потребность в развитии *системных теорий*, которые имеют статус научных онтологий (парадигм, «твердых ядер» исследовательских программ), необходимых для интеграции экономического знания. Эта потребность вытекает из усиливающейся фрагментарности эмпирических обобщений в экономике, а также роста числа частных теорий, которые хотя и наполняют «ящик с инструментами», которому Дж. Робинсон уподобила экономическую теорию⁴⁷, но не позволяют решать проблемы анализа и сопоставления «больших экономик» на протяжении значительных исторических периодов. До сих пор современными экономистами такого рода теорий, получивших широкое общественное и научное признание, пока не создано, что оставляет открытыми перспективы системной парадигмы в экономических исследованиях.

Системная парадигма, как следует из ее описания, содержит в себе эволюционные моменты⁴⁸, но является более широкой. Если эволюционная парадигма концентрирует внимание исследователей на поведении экономических субъектов, то системная парадигма – на характеристиках и динамике экономической системы в целом и в контексте всего общества.

---

⁴⁷ Робинсон Дж. (1933). Экономическая теория несовершенной конкуренции. / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986.

⁴⁸ Это объясняет, в частности, тот факт, что в некоторых учебниках у Хайека и Мизеса (отнесенных Корнаи к представителям системной парадигмы) отмечают «акцент на эволюционный подход», присущий этим представителям новой австрийской школы (см. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2001. Гл. 42.).

Кроме того, в современном понимании системная парадигма все чаще реализуется исследователями, использующими самоорганизационный подход, что позволяет говорить о становлении в последние годы самоограниченной парадигмы⁴⁹.

Несмотря на условность предложенной классификации экономических исследований, она является важным шагом в изучении специфики институциональных теорий. Почему полезно знать, что существуют разные школы экономической мысли и распространены определенные парадигмы? Потому что от принадлежности к ним зависят и объяснительные, и прогностические возможности развиваемых авторами институциональных теорий. Действительно, в зависимости от того, какие принимаются допущения, каков фокус анализа, что выделяется нами как объект исследования, и как мы рассматриваем институты, зависит то, что мы можем объяснять или прогнозировать. Ибо, как неоднократно повторял Козьма Прутков, «Никто не обнимет необъятного». Лишь то может объять наш ум, лишь о том мы можем судить, что действительно исследуем, и вряд ли можем рассуждать о том, на что не направлен наш исследовательский интерес. Покажем это на примере одной из теорий, которая известна нам больше других, а именно, теории институциональных матриц⁵⁰, или, как ее иногда называют, X-Y-теории.

4. Теория институциональных матриц (X-Y-теория) для объяснения и прогнозирования

В отношении институциональных теорий принято мнение, что их слабой стороной является недостаточная формализация и отсутствие эконометрических доказательств. Вспомним слова гениального Леонардо до Винчи, который полагал: «Никакой достоверности нет в науках там, где нельзя приложить ни одной из математических наук, и в том, что не имеет связи с математикой»⁵¹. Но, помимо математики, есть формальная и традиционная логика, включающая в себя аналогию (традукцию), сравнение⁵², есть структурный анализ, экстраполяция, сопоставительный метод. Совокупность этих методов (хотя и не только их), используемых в экономике, дает нам право определить ее как науку, а не искусство. Названные методы обычно используются при объяснении и

---

⁴⁹ Кирдина С.Г. Институциональные изменения и принцип Кюри. // Экономическая наука современной России. 2010, № 4. С. 28-62.

⁵⁰ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России (2-е изд). Новосибирск: ИЭиОПП РАН, 2001; Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука. 2004; Матрица институциональная в социологии / Социологическая энциклопедия, М: Мысль, 2003, т. 1; Институциональных матриц теория/ Социологический словарь. / Отв. редакторы Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М: ИНФРА-М, 2010; Kirdina, S., Sandstrom, G. Institutional Matrices Theory as a Framework for both Western and Non-Western People to Understand the Global Village. In: XVII ISA Congress of Sociology. ISA Abstracts Supplement. ISA: 2010 и др.

⁵¹ Леонардо да Винчи. Суждения о науке и искусстве. / Пер. с ит. А.А. Губера, В.П. Зубова), СПб.: Издательство «Азбука-классика», 2010, с. 128.

⁵² Поспелов Д.А. Логические методы анализа и синтеза схем, Изд. «Энергия», 1974.

прогнозировании социально-экономических процессов с помощью тех или иных институциональных теорий.

Напомним основные тезисы теории институциональных матриц, или X- Y-теории, а затем перейдем к иллюстрациям ее использования.

В рамках данной теории социум представлен как система двух взаимодействующих институциональных X- и Y-матриц. В свою очередь, институциональная матрица – это исторически устойчивая система базовых институтов, определяющих правила взаимодействия (формальные и неформальные) в основных сферах, или подсистемах социума – экономике, политике и идеологии. Обоснован тезис об историческом доминировании одного типа матрицы и комплементарности (дополнительности) другого.

Институциональные изменения (институциональное развитие) понимаются как совершенствование «институциональных форм», соответствующих институтам доминантных и комплементарных матриц. Институциональное развитие **не предполагают** замены доминирующего положения одной из матриц. Другими словами, определенная матрица в том или ином государстве сохраняет свое доминирующее положение. Например, институты X-матрицы доминируют в России, Китае, странах Юго-Восточной Азии или Латинской Америки, в то время как институты Y-матрицы являются комплементарными. Наоборот, в странах Северной Америки и Европы постоянно доминируют институты Y-матрицы, в то время как институты X-матрицы – комплементарны. (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Институты X- и Y-матриц.

	X-матрица	Y-матрица
Экономика	Редистрибуция	Рынок
Политическое устройство	Унитарно-централизованное	Федеративно-субсидиарное
Идеология (ценности)	Коммунитарные	Индивидуалистские
Доминирует в странах	Россия, Китай, ЮВА, Латинская Америка	Европа, Северная Америка

А теперь предложим некоторые примеры практического применения теории институциональных матриц. Ибо, как писал опять-таки Леонардо да Винчи, «Когда будешь излагать науку..., не забудь приводить под каждым положением практические применения, чтобы твоя наука не была бесполезна»⁵³. Из более чем 200 известных нам случаев использования теории институциональных матриц в исследованиях российских и зарубежных экономистов, социологов и политологов приведем лишь три

⁵³ Леонардо да Винчи, с. 131.

иллюстрации. На их примере можно видеть, как разные авторы используют X- и Y-теорию для *объяснения* наблюдаемых эмпирических фактов⁵⁴ при исследовании *экономических* процессов, *политических* структур и *идеологических* институтов.

Начнем с экономики. Наш пример относится к кредитной (банковской) сфере. В отношении того, какая экономическая система, в том числе банковская, воссоздается в России в настоящее время и в каком направлении она движется, до сих пор нет однозначных ответов ни у российских, ни зарубежных специалистов. Одни авторы полагают, что в России идет формирование банковской системы рыночного типа, но оно до сих пор не завершено⁵⁵. Им возражают другие авторы, считающие, что эволюция идёт в совершенно ином направлении⁵⁶.

Эмпирические исследования А.В. Верникова его коллег, проведенные по оригинальной, разработанной им методике, показывают постоянное увеличение реальной роли государства в структуре банковских активов⁵⁷ в современной России. Отмечая закономерность этого явления, Верников ссылается на теорию институциональных матриц, а именно, на исторически присущее России доминирование такого института X-экономики, как условная верховная собственность. Комплементарная, дополнительная роль института частной собственности выражается в том, что частный банкинг играет в кредитной системе России дополнительную роль. Тем самым Верников объясняет эмпирически выявленное преобладание государственной собственности по отношению к частной и прогнозирует ее рост в дальнейшем. После попыток кардинального изменения структуры российских банков в пользу частных (путем приватизации госбанков в начале 1990-х гг., и создания новых коммерческих банков) происходит возвращение к характерной для страны структуре собственности в банковской сфере.

Перейдем к политике. Анализ политических институтов с применением теории институциональных матриц представлен в работе В.Ф.

---

⁵⁴ Подробнее см.: Kirdina S.G. Institutional Matrices Theory as Methodology for Theoretical and Empirical Research in Russian Social Sciences. Presentation for Social Theory Conference (RN29). European Sociological Association, September 11-13, 2008, Innsbruck, Tyrol, Austria.

⁵⁵ См., например, Андрушин С., Кузнецова В. Банковский сектор России и пути его реформирования // Вопросы экономики, 2009, № 7, с. 15; Волков С.А. Концентрация прорыва // Банковское дело. 2008, № 9, с. 8-12; Пайдиев Л.Е. Как укрепить финансовую систему // Банковское дело. 2008, № 9, с.13-17; Сухов М. Нужны эффективные банки // Банковское обозрение. 2009, № 2, с. 14-15; Мамонов М. Структурные сдвиги и адаптация ключевых групп банков // Банковское обозрение. 2009. № 2, с. 28-33; Сперанская Т.С. Анализ российской модели банковской системы в сравнении с китайской моделью // Проблемы прогнозирования, 2009, № 2.

⁵⁶ Об этом см. Lane D. Russia's Asymmetric capitalism in comparative perspective./ Paper presented at ICSEES VII World Congress, Berlin, July 2005. www.ppsis.cam.ac.uk/soc/staff/dlane/asymmetriccap.pdf; Vernikov A. Russian banking: A comeback of the state. - Economics Working Paper No.104, UCL SSEES Centre for Comparative Economics, London, 2010.

⁵⁷ Верников А.В. Формы собственности и институциональные изменения в банковском секторе России. М: Институт экономики РАН, 2007; Vernikov A. Russia's banking sector transition: Where to? - BOFIT Discussion Paper DP 5/2007, Helsinki и др. работы 2008-2010.

Бородича⁵⁸. В ней он сравнивает трансформацию политических систем России и Китая в конце XX - начале XXI вв. Автор показывает, что сохранение важной роли государственной власти в моделях политического руководства России и КНР обусловлено природой доминирующей в этих странах институциональной X-матрицы. Это объясняет, почему такие политические институты, как иерархическая вертикаль власти во главе с центром, назначения руководителей и др. играют важную роль в политическом устройстве наших стран. Более значительные успехи преобразований китайской экономики, по сравнению с Россией, автор связывает, в том числе, с сохранением политических институциональных форм, характерных для базовой X-матрицы.

Примером того, как теория институциональных матриц используется для объяснения процессов, происходящих в идеологической сфере, служат работы И.М. Дзялошинского⁵⁹. В них автор анализирует роль средств массовой информации в системе общественных институтов России после периода реформ. Дзялошинский рассматривает различные классификации моделей СМИ, принятые в современной социологической литературе. Проведя эмпирическое исследование того, какие модели журналистского поведения складываются в современных СМИ, он приходит к выводу, что специфика современных российских средств массовой информации лучше других может быть объяснена с помощью теории институциональных матриц. По сути, автор выделяет среди них две большие группы. Одна группа изданий отражает ценности, характерные для X-матрицы в экономической, политической и идеологической сферах, в то время как другая – соответствующие ценности Y-матрицы. Их количественное соотношение также определяется доминирующей ролью X-матрицы в институциональной структуре российского общества.

От объяснительных возможностей теории институциональных матриц перейдем к ее *прогностическим возможностям*. На наш взгляд, прогностические возможности теорий являются одним из основных критериев того, насколько та или иная теория приемлема. Объяснительные возможности теорий также являются чрезвычайно важными – и поэтому выше мы уделили этому внимание. Но прогнозы, сделанные с помощью теорий, повышают доверие к ним, так как объясняют не известные всем процессы, но позволяют предвидеть то, что еще не осуществилось. Как писал о науке Леонардо да Винчи, которого мы еще раз процитируем в нашей работе, «Наука – это полководец, а практика – солдаты»⁶⁰. Другими словами, практика движется в том направлении, которое указывает (предсказывает) наука, как солдаты по указанию полководца.

---

⁵⁸Бородич В.Ф. Проблемы трансформации политических систем России и Китая (конец XX – начало XXI вв.): опыт сравнительного анализа. М: Институт Дальнего Востока РАН, 2008.

⁵⁹ Дзялошинский И.М. СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия // Медиаскоп, 2008, вып. 2 и др. работы 2009-2010.

⁶⁰ Леонардо да Винчи, с. 131.

В экономической сфере обратимся к прогнозу о развитии форм собственности в атомной отрасли. В 2002-2003 гг. наша экспертная группа участвовала в подготовке предложений по выбору адекватной организационно-правовой формы концерна «Росэнергоатом»⁶¹, который в то время имел статус федерального государственного унитарного предприятия. В частности, рассматривался вопрос о возможности его акционирования. В ходе работы нами были приняты во внимание не только отраслевые особенности, но был проведен анализ социально-экономических условий, в которых предстояло действовать компании. Они определяли как перспективы реализации, так и ограничения тех планов, которые ставило перед собой руководство компании «Росэнергоатом». Был сделан принципиальный вывод о том, что акционирование компании по стандартным правилам вряд ли осуществимо, несмотря на желание руководства.

В связи с этим наша экспертная группа сформулировала два предложения. Во-первых, мы предположили, что имеет смысл подождать изменения общих «правил игры» для такого рода хозяйствующих субъектов, и не спешить с акционированием. Во-вторых, было предложено выйти с инициативой разработки специального статуса «ОАО-Госкорпорация» для концерна «Росэнергоатом» и предложить федеральным органам власти разработать необходимые уставные документы для такого рода организационно-правовой формы⁶². Теоретической основой формулировки наших предложений послужили положения теории институциональных матриц. Но тогда, в 2003 г., руководство компании не согласилось с нашими выводами и решило продолжить работу по подготовке к акционированию, что потребовало значительных финансовых и организационных усилий. Наша группа не принимала участия в дальнейшей работе.

Как известно, акционирование компании так и не было проведено. В 2007 г. была создана государственная корпорация «Росэнергоатом», что являлось частью стратегического плана экономических преобразований (в тот год было создано еще несколько госкорпораций)⁶³. Таким образом, был реализован именно тот вариант, который был в свое время нами предложен, что доказало эффективность решений, принимаемых на основе теории институциональных матриц.

Примером политического прогноза, основанного на ее положениях и также осуществившегося, был принцип «назначения» президента Российской Федерации через «институт преемника». Прогноз был озвучен в сентябре 1999 г. в г. Нида (Литва) на семинаре международного исследовательского проекта «Transformation and Globalisation: Actors and Factors of Post-Soviet Change» в ходе нашего доклада «Российский федерализм как институциональное

---

⁶¹ Подробное описание этой работы см. С.Г. Кирдина. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М. Наука, 2004, глава 11.

⁶² Там же, с. 210.

⁶³ Подробнее об анализе госкорпораций в контексте теории институциональных матриц см.: Кирдина С.Г. Российские госкорпорации – ответ на глобальные экономические вызовы. / "Глобализация: мифы и реальность». Тюмень, 2008; Kirdina Svetlana. Prospects of Liberalization for S&T Policies in Russia: Institutional Analysis // Sociology of Science and Technology, 2010, volume 1, number 2, p. 10-28.

наследство». В докладе излагались тезисы теории институциональных матриц, был дан анализ политической системы России с выделением базовых и комплементарных институтов государственного устройства, а также прокомментирован опыт назначения тогдашним президентом страны Б.Н. Ельциным своего «преемника». Речь шла об «апробации» в этом качестве действующего премьер-министра страны В.В. Путина. С точки зрения теории институциональных матриц такой механизм представлялся весьма реалистичным: в истории России выборы, как правило, носили характер принятия/непринятия, или одобрения/неодобрения той или иной назначаемой руководящей фигуры в ходе выборного процесса. В связи с этим был сделан прогноз о том, что предлагаемая институциональная форма назначения преемника является перспективной и жизнеспособной. Такой прогноз вызвал резкое неприятие со стороны участников семинара, как российских, так и зарубежных, которые утверждали, что «этот ход не пройдет».

Тем не менее, в дальнейшем наш прогноз подтвердился. Действительно, в 2000 и в 2008⁶⁴ гг. определялся преемник президента с последующими выборами, в ходе которых проверялось отношение общества к нему. Эта ситуация подтвердила тезис теории институциональных матриц о доминировании института назначений и комплементарности института выборов в России. Создание в 2000 г. института полномочных представителей президента в федеральных округах⁶⁵, а затем назначение губернаторов (с 2004 г.) стало дальнейшим подтверждением этих идей.

В данной работе мы также предлагаем еще один прогноз относительно развития политической системы России. Ранее он высказывался нами на различных семинарах и конференциях, но не публиковался. Речь идет о перспективах многопартийности. На наш взгляд, вектор политического развития институциональной структуры страны заключается в становлении фактически однопартийной политической системы. История России уже во второй раз (впервые это было в конце XIX века) продемонстрирует пример того, как попытки внедрения многопартийной системы в политическую жизнь государства с доминированием X-матрицы приведут к доминированию одной партии. Это соответствует важности роли института иерархической вертикали власти во главе с руководящим центром⁶⁶ для институциональных структур такого рода. Доминирование одной партии – при необходимой роли оппозиционных партий – соответствует природе унитарного государства, к которому относится Россия⁶⁷.

---

⁶⁴ Президент Б.Н. Ельцин назначил своим преемником В.В. Путина накануне выборов 2000 г., и он действительно был выбран президентом. Соответственно, на выборах 2008 г. президентом был выбран Д.А. Медведев, назначенный ранее В.В. Путиным своим преемником.

⁶⁵ Институт полномочных представителей образован Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 (преобразован из института полномочных представителей в регионах Российской Федерации).

⁶⁶ Аргументация этого положения приведена в: Кирди на С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 2000, с. 157-158.

⁶⁷ Данная глава была подготовлена в апреле 2011 г., до того, как 6 мая лидер партии большинства «Единая Россия» В.В. Путин предложил создать «широкий народный фронт» организаций, которые разделяют

Заключение

Изложенная в работе классификация институциональных теорий - лишь одно из средств изучения их объяснительных и прогностических возможностей. Все ученые осознают условность классификаций, понимают, что они не абсолютны («нет правил без исключений»), принудительны, так как ограничивают своеобразие явлений узким кругом классифицируемых признаков, и всегда неокончательны. И, тем не менее, классификации бывают полезны.

Любимый нами мыслитель и художник Леонардо да Винчи 500 лет назад полагал, что там, «...где спорят, там нет истинной науки, ибо истина имеет одно-единственное решение, и когда оно оглашено, спор прекращается навсегда»⁶⁸. С этой точки зрения экономическая наука, занимающаяся анализом институтов, отнюдь не стала еще «истинной наукой», поскольку дискуссии в ней не прекращаются. Тем не менее, мы попытались представить некоторое общее понимание институтов, которого явно или неявно придерживаются институционалисты разных школ и направлений. Хотя, на наш взгляд, это не является достаточным основанием утверждать, что в экономической теории сложилась «институциональная парадигма», тем не менее, наличие такого консенсусного понимания формирует одно из приемлемых «решений, которое оглашено и в отношении которого споры прекращаются», а дискурс переносится в следующие еще не полностью освоенные учеными области.

Еще одно заключительное замечание. Как бы мы не превозносили научные достижения, очевидно, что сама по себе наука ничего не доказывает. Она лишь выдвигает предположения и проверяет их. «Научное знание представляет собой набор постоянно обновляемых рабочих гипотез относительно свойств нашего мира»⁶⁹. Институциональные теории, о которых шла речь, служат одним из инструментов такой проверки. Прогностические и объяснительные возможности институциональных теорий, как мы пытались показать в данной главе, определяются исходными предпосылками, фокусом анализа, общим взглядом на закономерности социально-экономического развития. Но даже в случае совпадения сделанных на основе теории прогнозов с ходом реальных событий мы не можем быть до конца уверенными, является ли соответствующая теория верной. И оправдаются ли прогнозы, которые мы с ее помощью сделаем завтра?

ценности партии, вплоть до включения их представителей в избирательные списки кандидатов от «Единой России». Расширение «социальной базы» однопартийности вполне соответствует сделанному прогнозу.

⁶⁸ Леонардо да Винчи. Суждения о науке и искусстве. / (Пер. с ит. А.А. Губера. В.П. Зубова). СПб.: Издательская группа «Азбука-классика». 2010, с. 132. В продолжение этого высказывания Леонардо да Винчи добавлял, что «если спор возникает снова и снова, то это наука лживая и путаная» (там же).

⁶⁹ О'Коннор Дж., Макдермотт И. Искусство системного мышления. Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. Пер. с англ. М: Альпина Паблишерз, 2010, с. 153.